

DOI 10.15826/izv2.2017.19.1.014
УДК 94(4)“1492/1914” + 94(470) +
+ 355.123.4

В. С. Пруцакова
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ РУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО КОРПУСА ВО ФРАНЦИИ 1815–1818 гг.*

Автор статьи на примере русского оккупационного корпуса, оставленного во Франции в 1815–1818 гг., анализирует факты дезертирства из российской армии и применявшиеся командованием способы борьбы с ним. Для современной российской историографии вопрос остается малоизученным, несмотря на то, что уже осуществлялись попытки подсчитать количество дезертировавших из российской армии в течение всего ее присутствия во Франции. Обращается внимание на то, что фигурировавшие в исследованиях цифры часто завышены. Основными источниками выступает комплекс служебной документации, сохранившийся в российских федеральных архивах. В силу того, что корпус в данный период в боевых действиях не участвовал, отчетная документация велась достаточно подробно, что позволяет сегодня на ее основе анализировать каждый случай дезертирства. Среди источников отдельную ценность представляют неопубликованные ранее донесения о преступлениях военнослужащих по отношению к корпусному аудиторiatу. На их основе рассматриваются количество фиксированных случаев дезертирства и политика руководства корпуса по предотвращению рецидивов. По мнению автора, немногочисленность случаев дезертирства из корпуса в большей степени была связана с очень жесткой системой наказаний, применяемой руководством корпуса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Наполеоновские войны; оккупация Франции; российский оккупационный корпус; М. С. Воронцов; дезертирство; полевой аудиторiat; система наказаний; противоречия внутри российской армии.

Серия двухсотлетних юбилеев исторических событий, связанных с завершением эпохи Наполеоновских войн, активизировала интерес международного сообщества ученых к этой проблематике, а также к вопросам послевоенного налаживания отношений между участвовавшими в этих войнах нациями. Со вступлением 9 (31) марта 1814 г. союзных армий в Париж и последовавшим затем отречением Наполеона началась первая оккупация Франции, продолжавшаяся до возвращения императора с Эльбы. После «Ста дней» Наполеона и восстановления династии Бурбонов началась вторая оккупация, условия которой были определены Парижским мирным договором 1815 г. и которая продолжалась до конца 1818 г.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01116 «Социальные механизмы массовых протестных движений в эпоху Французской революции и Наполеоновской империи».

© Пруцакова В. С., 2017

В многовековой истории межкультурных коммуникаций Франции и России вторая оккупация 1815–1818 гг., в которой участвовал расквартированный на северо-востоке Франции и руководимый молодым, но уже прославленным военачальником графом М. С. Воронцовым русский корпус являет собой уникальный пример массовых контактов представителей двух этих народов на протяжении нескольких лет. Впервые в отечественной истории столь значительное, 30-тысячное, соединение, состоявшее из военнослужащих разного социального уровня и происхождения, находилось такое длительное время на территории чужого государства.

Среди сюжетов, связанных с периодом Наполеоновских войн, период двух оккупаций Франции в 1814 и в 1815–1818 гг. до сих пор остается для российской историографии практически «не обработанной почвой». Несомненный интерес представляет ряд вышедших в последние годы работ, посвященных анализу образа «другого» или образа «врага» [Гладышев; Губина, 2000; 2002], однако их тематика достаточно узка, да и число их невелико. Между тем, сохранившиеся в отечественных архивах материалы позволяют исследовать самый широкий спектр вопросов, касающихся пребывания российских военнослужащих на французской территории.

В частности, отдельный интерес представляет феномен дезертирства военнослужащих за рубежом, представлявший собою одну из форм социального протеста и до сих пор принадлежащий к числу наименее изученных в историографии сюжетов. Хотя исследователями не единожды предпринимались попытки определить количество военнослужащих, дезертировавших из русской армии во время ее пребывания за границей, однако к единому мнению на сей счет прийти пока так и не удалось. Отчасти причина этого — недостаток достоверных источников. Е. А. Назарян в своей статье упоминает о 40 тысячах бежавших в течение 1814 г., после вступления союзной армии на территорию Франции, однако обращает внимание на ненадежный характер источника, каковым, по ее мнению, были мемуары артиллериста А. М. Барановича (необходимо, однако, отметить, что автор, на которого ссылается Е. А. Назарян, упоминает о «многочисленных рапортах полковых командиров, сохранившихся в архивах», но конкретных ссылок не приводит) [Назарян, с. 309]. Аналогичные цифры — 40 тысяч дезертиров, — но уже для периода 1814–1818 гг. дважды приводятся и в новейшей книге французской исследовательницы М.-П. Рей «Царь в Париже», правда, вообще без какой-либо ссылки на источник [Rey, p. 268, 298].

В не слишком обширной научной литературе, так или иначе затрагивающей историю российского оккупационного корпуса, вопрос о дезертирстве этого периода рассматривается нередко вперемежку с аналогичными фактами предшествующих месяцев. Однако это не вполне оправданно. Обстоятельства 1814 г. и даже первой половины 1815 г. заметно отличаются от того, что имело место в 1816 и последующие годы. Безусловно, в оккупации участвовали те самые военные, что несколькими годами ранее воевали на территории России, а потом в Европе. Очевидно, что необходимость остаться на несколько лет на территории

чужого государства, в то время как остальная армия возвращалась домой, вызвала положительную реакцию далеко не у всех. Даже сам Воронцов не поддерживал идею оккупации. Тем не менее, военные действия уже прекратились, на территории Франции военнотружущие находились на основании договора и с местными жителями в большинстве своем общий язык находили. В отличие от военного периода непосредственной угрозы для своей жизни они во время второй оккупации не испытывали. Кроме того, относительная бытовая стабильность позволяла внимательному и аккуратному Воронцову неусыпно следить за положением дел в частях: каждый месяц делался подробный отчет о состоянии личного состава каждого полка, о находящихся в госпиталях, фиксировались все происшествия, случаи проявления недовольства и пр. Канцелярская щепетильность Воронцова была, похоже, известна ничуть не меньше, чем его смелость и принципиальность. В таких условиях практически все были на виду, затеряться в толпе и исчезнуть было очень непросто. По мнению историка М. А. Давыдова, малое количество побегов свидетельствовало о правильности решений, принимавшихся Воронцовым: запрет на наказание солдат без суда, создание полевой почты для нижних чинов и пр. [Давыдов, с. 88]. Сам Воронцов высоко оценивал достигнутый им результат: «Убыль в людях в продолжение трехлетнего пребывания во Франции столь невелика, что если бы и на четвертый год оставался, и хотя бы находился столь близко своих границ, что мог бы удобно получать в комплект людей, то и тогда я бы не имел нужды его требовать» [РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2164, л. 7]. Впрочем, как ни странно, эта заслуга графа так и осталась не оцененной как современниками, так и большинством исследователей, которые обращали внимание, в основном, на общий стиль руководства корпусом, на взаимоотношения старших и младших чинов, на нововведения [Огарков; Самойлова; Удовик]. Факт малочисленности побегов в чужой стране из войск этого военачальника остается в тени.

Практически с самого начала своего командования Воронцов обращал пристальное внимание на организацию работы военного суда. При этом дезертирство особо выделялось им из числа остальных преступлений. Если общее для всех видов преступлений положение о полевом аудиториате было подписано лишь 1 марта 1816 г. [РГВИА, ф. 474, оп. 1, д. 540, л. 1], то приказ о правилах расследования дел о побегах с приложением регламента допроса разных причастных лиц был издан еще 29 октября 1815 г. [Там же, д. 539, л. 21]. Из текста приказа видно, что самым важным фактором в деле поимки беглецов Воронцов считал время: строжайше предписывалось максимально быстро докладывать о случае побега вышестоящему начальству. Это приносило свои плоды: за короткое время дезертир не успевал убежать далеко, поэтому чаще всего оказывался схвачен. В упомянутом уже отчете императору Воронцов пишет, что из всех дезертиров пойманы были 167 человек [РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2164, л. 13], т. е. более 50 %.

О степени строгости наказаний дезертиров можно судить по тем приказам командующего корпусом, которые распространялись по всем полкам

и демонстрировали воинским чинам эффективность работы судебной системы, выполняя тем самым профилактическую функцию.

Приказ от 22 марта 1816 г. гласит, что «Курляндского драгунского полка рядовой Иван Шерснев, 38 егерского полка рядовой Иван Кордюков и Новоингерманландского пехотного полка рядовой Андреан Малькозеров, отданные под военный суд за побег, признаны по суду добровольно явившимися и найдены подлежащими прощению... Алексопольского пехотного полка рядовой Андрей Мосейчик, 12 артиллерийской бригады батарейной роты готлангер¹ Иван Свиначук, суждены за побег и найдены виновными, первой в побеге в первой раз, а последний — во второй. Приговорены к прогнанию сквозь строй, Мосейчик через 500 человек 2 раза, а Синарчук через 500 человек 4 раза...» [РГВИА, ф. 474, оп. 1, д. 540, л. 57].

Аналогичным образом приказ от 4 мая 1816 г. гласит, что «отданы под военный суд... 9 артиллерийской бригады легкой роты № 18 готлангер Григорий Глухнов за побег... Определено:... готлангера Григория Глухнова прогнать шпицрутенами через батальон два раза с написанием в другую роту» [Там же, л. 94]. В приказе от 27 мая 1817 г. отмечено, что «41 Егерского полка рядовые Козьма Сердюков и Павел Максименко отданы были под военный суд, обвиняемые первой в третьем побеге и в подговоре к побегу ж; Павел Максименко за второй побег по подговору Сердюкова; военный суд нашел оных в том виновными и приговорил по законам к наказанию шпицрутенами: Сердюкова через 1 000 человек 12 раз, а Максименку через 1 000 человек 6 раз. — Командующий 12 дивизиею г. генерал-майор Лисаневич в облегчение приговора, сделанного судом, в уважение службы и походов, в мнении полагает наказать: первого через 1 000 человек 6 раз, а на основании Высочайшего Указа состоявшего 1810 года, яко безнадежного к исправлению и вредного в полевой армейской службе быть выписать в отдаленный гарнизон; рядового ж Максименка наказать шпицрутенами через 500 человек 6 раз с оставлением по прежнему на службе в полку» [Там же, д. 541, л. 32]. В приказе от 4 декабря 1817 г. отмечено, что «Нашебургского пехотного полка рядовой Андрей Непомнющий отдан был под военной суд за побег в четвертый раз. Приговор — кнут и вырезание ноздрей перед полком, ссылка на галеры на вечную работу. Конфирмую наказание шпицрутенами через 1 000 человек три раза и ссылку на крепостную работу в Россию» [Там же, л. 60].

В подобной же манере объявлялись похвалы за активную помощь в поимке беглецов. Например, в приказе от 13 сентября 1816 г. выражена благодарность «вузьерскому этапному коменданту Курляндского драгунского полка г. прапорщику Преляту благодарность за отличное исправление должности и отыскание восемнадцати наших дезертирщиков, скрывавшихся в селениях, лежащих около Вузьера» [Там же, д. 540, л. 142].

Таким образом, метод «кнута и пряника», активно применявшийся Воронцовым по отношению ко всем чинам корпуса, давал результаты: в некоторых

¹ *Готлангер* — должность в артиллерийском расчете.

случаях вернуться солдатам оказывалось проще, чем быть пойманным и забитым. Несмотря на то, что наказывать солдат без суда палками было запрещено, легитимное наказание в несколько сотен, а то и тысяч ударов шпицрутенами по степени жестокости ничем палкам не уступало. С другой стороны, рецидивы дезертирства тоже не были единичными.

Для поимки беглых командование корпуса координировало свои действия как с местной администрацией, так и с союзными войсками. Например, в рапорте майора Смоленского полка Хрущева от 5 сентября 1815 г. говорилось: «мэра монтонвильского я обяжал подпискою, чтобы он, когда жившие о таковых людях (дезертирах. — В. П.) доложат, давал бы ту ж минуту знать в Понтмусен, и если откроется в его колонии проживающий кто-нибудь из дезертиров или вообще из подозрительных людей, тогда он подвергнется строгой ответственности» [РГВИА, ф. 16235, оп. 1, д. 74, л. 8]. Вероятно, такая политика и ограничивала готовность местных жителей принимать к себе беглецов.

Внимание командования обращалось и на работу по отбору личного состава. В приказе от 6 июня 1816 г. ставилась задача: «По условию нашему с Голландским правительством ловить и выдавать их дезертирщиков. Всех таких непременно отправлять в крепость Мобеж, либо в крепость Живе. Заметив из произведенного в 38 егерском полку следствия о бежавшем рядовом из 9 егерской роты Тимофее Александрове, что оный рядовой находился прежде долгое время в 3 карабинерной роте, хотя был неоднократно наказываем за драку, пьянство и воровство, — нахожу нужным подтвердить всем гг. начальникам полков, выбирать непременно в гренадеры и карабинеры людей доброго поведения, каковое назначение и должно им служить наградою... В особенности даю заметить, что никак не следует помещать людей в гренадеры по одному только росту и наружному виду» [РГВИА, ф. 474, оп. 1, д. 540, л. 101].

Таким образом, алгоритм работы с дезертирами военной юстиции был продуман достаточно подробно, что, однако, не обеспечивало полного предотвращения побегов. По-прежнему сохранялись частные противоречия между верхними и нижними воинскими чинами, что нередко и приводило к дезертирству. Например, в приказе от 2 ноября 1816 г. отмечалось, что «10 Егерского полка унтер-офицер Ефим Сосев, рядовой Корней Шишкин отдан под суд, первый за то, что имел в препоручении для раздачи солдатам 68 франков денег, потеряв оныя, убоясь явиться начальству, сделал отлучку, а последний в воровстве» [Там же, л. 155]. Согласно рапорту от 20 ноября 1816 г., «деньщик порутчика Литвинова Дмитрий Дынин убежал 1-го числа сего месяца за несколько часов пред приездом своего господина, посланного накануне сего дня поутру в штаб-квартиру за рационными деньгами» [РГВИА, ф. 16235, оп. 1, д. 74, л. 191]. А в приказе от 16 июня 1816 г. отмечалось: «Состоящий при корпусной квартире команды жандармского полка Арсений Белокобыла оказался виновным в первом побеге и перемене мужикам казенного своего платья на крестьянское. Приговорен к наказанию шпицрутенами через 500 человек 2 раза с выписанием из жандармов... По делу сему военным судом найдено: унтер-офицер Скляров

не только наказывал упомянутого жандарма палками, но даже бил его без вины и только чтобы узнать, виноват ли он был, и при допросах, что есть ни что иное как пытка, столь строго запрещенная нашими законами, и особливо Государем Императором» [РГВИА, ф. 474, оп. 1, д. 540, л. 120].

Устраивались побеги и арестантами, о чем, например, свидетельствует приказ от 6 марта 1816 г.: «[предаются военному суду рядовые] 38 Егерского Иван Кордюков и 12 артиллерийской бригады батарейной роты № 12 голландер Иван Свиначук за повторные побеги, из коих последний учинен ими в числе 30 человек арестантов в марше, когда под присмотром конвоя проходили лес» [Там же, л. 51]. В приказе от 25 октября 1816 г. отмечена необходимость «полевому аудиториату нарядить суд для суждения войска Донского казачьего Гревцова полка сотника Смирнова за нерадение и неосмотрительность в содержании арестантов препровождаемых им в Россию, у которого бежало в один раз 9 человек и бывшего старшим над караулом казака Ерофея Михалушкина за неисполнение начальничьего приказа в рассуждении осторожности за арестантами и за нерадение в исполнении сей обязанности, отчего оные 9 арестантов успели уйти» [Там же, л. 153].

В отдельных случаях дезертиры проявляли агрессию в отношении местного населения. В приказе от 11 сентября 1816 г. отмечено, что «Апшеронского пехотного полка рядовой Тарас Васильев оказался виновным во втором побеге и в убийстве с намерением женщины в лесу близ г. Гersona во время его укрывательства» [Там же, л. 141]. А в приказе от 26 июля 1817 г. отмечено, что «Кинбургского драгунского полка рядовой Радион Харламов отдан был под военный суд, обвиняемый во втором побеге и по подозрению в убийствах во время побега одной женщины и двух мужиков и в нанесении, кроме того, ран другой женщине и еще одному мужику... за что на основании законов [суд] приговорил Радиона Харламова к лишению жизни» [Там же, д. 541, л. 41].

Не претендуя на попытку установления общего количества дезертиров за всё время пребывания российских войск во Франции 1814–1818 гг., замечу, что известное нам их число за период второй оккупации — с 1 сентября 1815 г. по 20 декабря 1818 г. — несопоставимо меньше указанных выше цифр. В 1819 г., официально завершив свою миссию командующего российским оккупационным корпусом во Франции, М. С. Воронцов представляет императору Александру I докладную записку о результатах своей деятельности. В ней помимо прочего содержатся цифры потерь личного состава корпуса за весь период оккупации. Согласно этому документу, из подчиненных Воронцову войск за три года бежали или предприняли попытку бежать 319 человек [РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2164, л. 13]. Фактически это число не превышало 1 % личного состава корпуса, который на протяжении всего периода оккупации насчитывал в среднем около 30 тысяч человек [Там же, д. 2105, л. 3].

Отметим, что Воронцов в своем отчете представил соответствующие данные в двух разных таблицах. Первая содержит сведения за период с 1 сентября 1815 г. по 1 сентября 1818 г., вторая — с 1 сентября по 20 декабря 1818 г. Этот факт

не всегда учитывается в историографии, что порою приводит к разным цифрам при подсчетах. Так, в книге О. Ю. Захаровой «Я князь, коль мой сияет дух...» количество дезертиров приводится по обеим таблицам, но по каждой отдельно [Захарова, с. 72]. Напротив, В. Я. Гросул, автор работы «Русское зарубежье в первой половине XIX века», дает, ссылаясь на О. Ю. Захарову, цифры только из первой таблицы, в результате чего представленное им количество дезертиров оказывается меньше [Гросул, с. 58].

К сожалению, достоверных источников, содержащих сведения об общем числе бежавших из российской армии в течение 1814 г., пока не обнаружено. Однако, очевидно, что приводимое в упомянутой выше исторической литературе число в 40 тысяч дезертиров за 1814–1818 гг. выглядит весьма сомнительно, поскольку предполагает, что в течение 1814 г. из русской армии сбежал фактически целый корпус.

Для более подробного изучения феномена дезертирства из русской армии в период борьбы с Наполеоном и последующей оккупации Франции необходимо привлекать дополнительный архивный материал, до сих пор не введенный в научный оборот. Вместе с тем, даже рассмотренный здесь круг источников дает достаточно веские основания предполагать, что распространенные в исторической литературе, но не обоснованные документально оценки количества дезертиров за время пребывания русской армии во Франции в несколько десятков тысяч выглядят преувеличенными.

Источники

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2105, 2164.

РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539, 540, 541; Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74.

Исследования

Гладышев А. В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 15–26.

Гросул В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2008.

Губина М. В. Франция в восприятии русских военных — эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / отв. ред. А. В. Голубев. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 136–141.

Губина М. В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / отв. ред. А. В. Голубев. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 153–161.

Давыдов М. А. Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2005.

Захарова О. Ю. Я князь, коль мой сияет дух... Подольск: Подол. фабрика офсетной печати, 1997.

Назарян Е. А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства [Электронный ресурс] // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Междунар. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.) / под ред. А. В. Горбунова. Можайск: Гос. Бородин. воен.-ист. музей-заповедник, 2012. С. 302–309.

Огарков В. В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1892.

Самойлова С. В. Граф М. С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века : дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999.

Удовик В. А. Воронцов. М. : Молодая гвардия, 2004.

Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris : Flammarion, 2014.

Статья поступила в редакцию 01.12.2016

Пруцакова Валентина Сергеевна

сотрудник лаборатории «Мир
в эпоху Французской революции
и Наполеоновских войн»
Институт всеобщей истории РАН
117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
E-mail: javany@mail.ru

Prutsakova, Valentina Sergeevna

Researcher
Laboratory “The World during the French
Revolution and Napoleonic Wars”
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: javany@mail.ru

**DESERTION FROM THE RUSSIAN OCCUPATION CORPS
IN FRANCE BETWEEN 1815 AND 1818**

The author examines the issue of desertion from the Russian occupation corps in France between 1815 and 1818 and the means to prevent it used by the corps' commander Count Mikhail Vorontsov. The subject is little-studied in modern historiography both in Russia and abroad, though some attempts have been made to calculate the number of deserters from the Russian army during all the period of its stay in France. The author pays special attention to the number of deserters mentioned in some studies. The main source of the article is a complex of official documents kept in the Russian federal archives. Due to the fact that the corps did not take part in any military operations during the period in question, its documents were regularly completed, which now make it possible to analyse every case of desertion in detail. The previously unpublished reports to the court martial about military crimes are especially valuable in this collection of sources. Referring to them, the author studies the means to suppress repeated desertion and determines its scale. According to the author, the level of desertion was relatively low in the corps due to a very rigid system of punishments applied to the deserters.

Key words: Napoleonic wars; French occupation; Russian occupation corps; M. S. Vorontsov; desertion; military court; punishment system; contradictions within the Russian Army.

Acknowledgements

The article is sponsored by the *Russian Science Foundation*, project 14-18-10041 “Social Mechanisms of a Mass Protest Movement during the French Revolution and the Napoleonic Empire”.

Davydov, M. A. (2005). *Oppozitsiia ego Velichestva* [His Majesty's Opposition]. Moscow: Zebra E. (In Russian)

Gladyshev, A. V. (2014). Kazaki vo Frantsii 1814 g.: obraz i kollektivnaia pamiat' [Cossacks in France in 1814: Image and Collective Memory]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 4 (45), 1–26.

Grosul, V. Ia. (2008). *Russkoe zarubezh'e v pervoi polovine XIX veka* [The Russian Abroad in the First Half of the 19th Century]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Gubina, M. V. (2000). Frantsiia v vospriatii russkikh voennykh – evoliutsiia stereotipov (1814–1818 gg.) [France in the Perception of the Russian Military – the Evolution of Stereotypes (1814–1818)]. In A. V. Golubev (Ed.), *Rossii i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriatii* [Russia and the World through the Eyes of Each Other: From the History of Mutual Perception] (Issue 1, pp. 136–141). Moscow: IRH RAS. (In Russian)

Gubina, M. V. (2002). Osobennosti obraza Rossii i russkikh v soznanii frantsuzskikh sovremennikov v 1814–1818 gg. [Features of the Image of Russia and Russians in the Minds of French Contemporaries between 1814 and 1818]. In A. V. Golubev (Ed.), *Rossii i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriatii* [Russia and the World through the Eyes of Each Other: From the History of Mutual Perception] (Issue 2, pp. 153–162). Moscow: IRH RAS. (In Russian)

Nazarian, E. A. (2012). Dezertirstvo v russkoi armii: motivy i obstoiatel'stva [Desertion in the Russian Army: Motives and Circumstances]. In A. V. Gorbunov (Ed.), *Otechestvennaia voina 1812 goda. Istochniki. Pamiatniki. Problemy: Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Borodino, 5–7 sentiabria 2011 g.) [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems: Proceedings of the 17th International Scholarly Conference (Borodino, 5–7 September 2011)]. Mzhaysk: State Borodino War and History Museum and Reserve. (In Russian)

Ogarkov, V. V. (1892). *Vorontsovy. Ikh zhizn' i obshchestvennaia deiatel'nost'* [The Vorontsovs. Their Life and Social Activity]. Saint Petersburg: Tip. tovarischestva "Obschestvennaja pol'za". (In Russian)

Rey, M.-P. (2014). *1814, Un Tsar à Paris*. Paris: Flammarion. (In French)

Samoilova, S. V. (1999). *Graf M. S. Vorontsov v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Count M. S. Vorontsov in the Socio-Political Life of Russia in the First Quarter of the 19th Century] (doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)

Udovik, V. A. (2004). *Vorontsov*. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Zakharova, O. Iu. (1997). *Ia kniaz', kol' moi siaet dukh...* [I Am the Prince, since My Spirit Shines]. Podol'sk: Podol'skaia fabrika ofsetnoi pechati. (In Russian)

Received on 1 December, 2016